

Вань Шуэр проклинала себя за ту минутную вспышку азарта, когда она, поддавшись на уговоры супруги Бо(графа) Вэньчана, поспешила отправить сведения о рождении «этого отродья» во дворец.

Теперь она понимала: за все эти годы в поместье Чанъян её слово было законом, в то время как та женщина из дома Вэньчан всё еще находилась под пятой у вдовствующей матроны и шагу не могла ступить без оглядки. Очевидно, та просто позеленела от зависти, видя её привольную жизнь, и решила исподтишка подставить ей подножку, пряча кинжал за улыбкой.

Вань Шуэр кусала губы от досады: она столько лет слыла проницательной, но за то время, что хоу был в Чэнхэ и она единолично правила домом, бдительность её притупилась. И вот результат — одна роковая ошибка.

Сгорая от негодования, она была вынуждена покорно проследовать за Хэ Наньфэном и Хэ Гу в главный зал и занять место подле старого хоу.

— Отец, — начал Хэ Гу, — раз уж матушка здесь, я хотел бы прояснить одно дело прямо сейчас, чтобы не возвращаться к нему в будущем.

Хэ Наньфэн погладил бороду:

— Говори, что за дело?

Хэ Гу уселся на почетное место пониже отцовского и вполоборота бросил Чжэнье:

— Сходи в мой двор и принеси ларец, который вчера передала няня Цюй.

Слуга кивнул и тут же исчез за дверью.

Хэ Гу вновь повернулся к отцу:

— Папа, Жун-эр ведь ваша родная дочь?

Вопрос прозвучал настолько дико, что Хэ Наньфэн даже опешил.

— Что за чушь ты несешь, щенок! — рявкнул он. — Если она не моя дочь, то чья же? Твоя, что ли?!

— Раз так, — невозмутимо продолжал Хэ Гу, — почему же вы так притесняете её?

Хэ Наньфэн нахмурился:

— Глупости. С чего ты взял, что я притесняю Жун-эр?

Хэ Гу взял со столика чашку чая, подул на пар и медленно произнес:

— В Бяньцзине не только в знатных домах, но даже в обычных чиновничьих семьях приданое для дочери начинают собирать с самого её рождения. Жун-эр скоро исполнится девять. По всем правилам, к этому времени большая часть приданого должна быть уже готова. Иные семьи в этом возрасте уже всю подыскивают дочерям женихов.

— Вернувшись из Чэнхэ, я вспомнил об этом и затребовал у счетоводов опись имущества, подготовленного для Жун-эр. Я, как старший брат, хотел посмотреть, чего не хватает, чтобы добавить от себя. И что же?..

Хэ Гу сделал паузу. Он улыбался, но глаза его оставались холодными как лед.

— Результат меня, честно говоря, ошеломил. Для дочери хоу(маркиза) список оказался настолько жалким, что постыдил бы и дочь мелкого чиновника.

Он перевел ледяной взгляд на Вань Шуэр:

— Матушка на каждом шагу твердит, как она заботится о Жун-эр. Позвольте спросить: неужели вся ваша «забота» сводится лишь к тому, чтобы подсовывать ей редкие лакомства? Если так, то не утруждайте себя. Моя сестра, хвала небесам, не в том положении, чтобы побираться ради куска хлеба.

— Ах да, чуть не забыл... Если бы не ваша «память», в павильоне Ваншу никогда бы не появились пирожные с крабовой икрой. Поразительно: столько лет прошло, а вы в деталях помните, чего Жун-эр нельзя есть. Ваша заботливость не уступает моей, родного брата.

Хэ Наньфэн, имея лишь одну дочь, не обладал опытом в сборе приданого. Матушка хоу скончалась рано, и он совершенно не разобрался в тонкостях воспитания девиц и подготовки их к замужеству. Обычно он не вникал в дела задних покоев, а любовь к дочери проявлял просто: смотрел, не похудела ли она, и по этому судил о заботе Вань-ши.

Жун-эр всегда была румяной и пухленькой, с каждым днем становясь всё милее, поэтому Хэ Наньфэн искренне верил, что Вань Шуэр все эти годы была доброй матерью для обоих детей.

Он считал её старательной, но теперь, слушая спокойную речь сына, начал понимать, сколько подводных камней скрывалось от его взора. Хоу знал: сын хоть и вырос строптивым, но всегда был прямым как стрела. К коварству и лжи он был не способен. Значит, слова Хэ Гу — правда.

Старый хоу мрачно посмотрел на жену:

— Если это так, значит, ты проявила крайнее небрежение. Весь этот год, что меня не было в столице, ты писала в письмах, что с ног сбиваешься, управляя домом. Жун-эр — единственная молодая госпожа в поместье. Если ты не заботаешься о её будущем, то чем же ты была так занята?

— Не заботится? — хмыкнул Хэ Гу. — О нет, отец, она заботилась слишком усердно. Когда матушка скончалась, мы с сестрой были малы. Матушкино приданое матушка Вань прибрала к рукам, подговорив управляющего Вана. Они заявили, что няня Цюй — всего лишь служанка и не имеет права распоряжаться имуществом. Приданое Жун-эр не осталось «неподготовленным» — покойная мама собирала его при жизни.

— У меня лишь один вопрос: раз домом управляет матушка Вань, то куда делось всё то, что управляющий Ван изъясил тогда вместе с описью? Мамино наследство и приданое сестры... не пора ли вернуть его законным владельцам?

Вань Шуэр онемела. Она никак не ожидала, что Хэ Гу заговорит именно об этом. Столько лет прошло! Если бы он не напомнил, она бы и не вспомнила о том случае. Ведь когда Янь Мэйжо умерла, а Хэ Наньфэн сделал её, бывшую наложницу, новой госпожой, все слуги бросились заискивать перед ней. Ей даже не приходилось прикасаться к грязным делам — люди сами угадывали её желания.

А теперь, спустя годы правления поместьем, как она могла помнить, что там было у той «недолговечной» девицы Янь? Она просто не нашлась что ответить.

Брови старого хоу сошлись на переносице:

— Подговорить управляющего Вана... забрать приданое Мэйжо... Неужели это правда?

В прошлой жизни Хэ Гу вел себя с отцом крайне неловко. После смерти матери он затаил обиду: не успело тело остыть, как Хэ Наньфэн возвысил наложницу. Вид отца рядом с Вань-ши вызывал у него тошноту, и он не желал произносить ни слова. Встречи отца и сына превращались в обмен колкостями и ледяными взглядами.

Даже если его обижали, Хэ Гу, стиснув зубы, глотал слезы и кровь — показать слабость перед мачехой и отцом для него было хуже смерти.

Раньше Хэ Гу не верил, что отец ничего не знает. Он думал, что Хэ Наньфэн просто покрывает Вань-ши. Лишь после смерти старика он понял: тот действительно мог быть в неведении. В его глазах Вань Шуэр всегда оставалась нежной и беззащитной «белой лилией». Все мысли хоу были заняты службой при дворе.

Чжэнъе вернулся вовремя. Запыхавшийся, он вбежал в зал, неся в руках небольшой ларец из красного дерева.

Хэ Гу взял его и спокойно произнес:

— Если отец не верит, посмотрите сами. Несколько лавок в Бяньцзине: книжная лавка «Вэньшэн», шелковая лавка «Синъань», ресторан «Чжэнькэ»... Не будем считать остальное, но даже эти три приносят золотые горы. Всё это — часть приданого матушки из дома Янь, которое она лично вписала в опись для Жун-эр.

— Кроме того, в этом ларце хранятся первичные списки приданого матушки. Каждая бумага заверена печатями счетоводов семьи Янь.

Лицо старого хоу менялось на глазах. Он резко встал, в два шага преодолел расстояние до сына, выхватил ларец и принялся перебирать пожелтевшие листы.

Брак с госпожой Янь был договорным, между двумя старинными родами. Мэйжо была единственной дочерью генерала Яня, и её приданое было огромным — кипа бумаг оказалась внушительной.

Хэ Наньфэн листал их, и его борода мелко подрагивала. Наконец его взгляд замер на последнем листе.

Это действительно была рука Янь Мэйжо... Начатый ею список приданого для маленькой Хэ Жун.

— У меня остались только эти списки, — негромко добавил Хэ Гу. — Все купчие на земли и лавки давным-давно находятся в руках госпожи Вань.

Хэ Наньфэн медленно повернул голову к жене. Глядя на неё в упор, он процедил сквозь зубы:

— Тебе есть что сказать в свое оправдание?

Вань Шуэр, служившая ему годами, видела: он в ярости. Но всё случилось слишком внезапно. Охваченная паникой, она попыталась оправдаться:

— Но... прошло столько лет... разве я могу помнить всё до мелочи...

Хэ Гу усмехнулся:

— Ничего страшного, если матушка не помнит. Давайте позовем счетоводов и проверим, находятся ли эти лавки сейчас под вашим управлением. В чем сложность?

И добавил:

— Чжэнъе, приведи управляющего Вана... И не только его. Пусть придут все главные счетоводы поместья.

Слуга кивнул и снова исчез.

Хэ Гу был воплощением уверенности. Вань-ши же, напротив, лишь бессвязно лепетала, не в силах вымолвить ничего путного.

Хэ Наньфэн не был глупцом. Он уже понимал: каждое слово сына — истина.

Он поставил ларец, медленно подошел к Вань Шуэр и ледяным тоном спросил:

— Спрашиваю в последний раз: было это или нет? Присвоила ли ты приданое Мэйжо и Жун-эр? Да или нет?

Как ни крути, старый хоу всю жизнь провел в седле и с мечом в руках. Обычно он был покладист, но его гнев был страшен. У Вань Шуэр подкосились ноги. Хорошо, что она сидела, иначе просто рухнула бы на пол.

Она понимала: если сейчас не смягчить его сердце, её жизни в поместье придет конец. Она решила прибегнуть к проверенному средству — слезам.

— Как... как вы можете говорить, что я присвоила?! — зарыдала она, содрогаясь всем телом. — Раз она ушла в мир иной, а я — ваша женщина, то и эти лавки принадлежат вам! Разве можно было оставить их в руках слуг?

Договорить она не успела. Хэ Наньфэн вскипел. Лево́й рукой он больно схватил её за подбородок, заставляя поднять лицо, а правая его рука, дрожа от ярости, замерла в воздухе...

А затем последовал сокрушительный удар. Пощечина была такой силы, что Вань Шуэр слетела с кресла на пол, её прическа мгновенно растрепалась.

Звонкий хлопок эхом отозвался в пустом зале. Даже Хэ Гу, сидевший поодаль, невольно втянул голову в плечи.

Старый хоу смотрел на Вань Шуэр, которая, не веря своим глазам, прижимала ладонь к щеке и распласталась на полу. Голос его дрожал от гнева:

— Ты была всего лишь наложницей из хорошей семьи. Я, наперекор всем толкам и давлению родни покойной жены, возвысил тебя, дал тебе статус законной супруги, обеспечил тебе почет и уважение! Ты — госпожа поместья хоу! Я давал тебе всё, что ты просила. Почему... почему же тебе было мало даже того небольшого, что Мэйжо оставила своим детям?!

— У тебя что, вместо сердца кусок черного угля, или разум совсем помутился от жадности?